

А
Анатолий Федорович Кони

Представление Александру III

В ГАТЧИНЕ

СТАТЬИ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ

(В ноябре 1892 г.)

Кони А. Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. - М.: Сов. Россия, 1989.

OCR Pirat

Двадцать второго октября 1905 г. Завтра предстоят в Петербурге торжественные похороны рабочих, убитых за последние дни при столкновениях с войсками и партий между собою. Революционные комитеты напечатали в газетах извещение, в котором приглашают граждан не мешать шествию своим появлением на улицах. Отовсюду приходят телеграммы с известиями о революционных и патриотических манифестациях, кончающихся потоками крови и проявлениями самой зверской злобы. То же может случиться завтра и в Петербурге. Это будет результатом - как и все происходящее - "бессмысленных мечтаний" о возможности остановить развитие целого народа и противопоставить близорукое и тупое, лишенное всякого сознания долга самовластие наплыву идей и чувств, питаемых и усиленно раздуваемых сдержанным гневом и готовым на все отчаянием. В последние 20 лет самодержавие, расчлняясь и мельчая по существу, становилось все более безусловным и ожесточающим по форме. Оно давно перестало быть не только Петровским служением народу или Екатерининской скрепкой общим величием единства разноплеменной страны, но оно выпустило из рук даже и охрану простого порядка.

Оно перестало существовать, хотя бы и мнимо, на пользу России, а стало довлеть самому себе, как бездушный идол, который наводит страх только до тех пор, пока смелая нога решительным пинком не повергнет его в прах. С управлением России при ничтожном и упрямом Николае II повторилось то же, что было, по словам записки Панина "Екатерина II", при Петре III. "Сей эпох, - писал он, - более всего примечателен большими приключениями в малых делах и управлением припадочных людей". Когда припомнишь фигуры Дурново, Сипягина, великого князя Алексея, Воронцова, Клейгельса и т. п., зная, что в их руках было направление русской политики, душой овладевает ретроспективный страх. Мне хочется поэтому вспомнить мое представление Александру III по случаю назначения вторично обер-прокурором. В 1891 году, в июне, я был сделан сенатором и на мое место поступил прокурор московской палаты Н. В. Муравьев, очень быстро перебравшийся при помощи великого князя Сергея Александровича в государственные секретари.

Министерство юстиции было в большом затруднении для замещения открывшейся вакансии, так как тогда еще считалось, что кассационный обер-прокурор должен быть не простым усердным судебным чиновником, но и представителем научных знаний и авторитетом. Я принял предложение вернуться в прокуратуру с сохранением звания сенатора, а Манасеин победил недоумевающее упорство Алек сандра III указанием на то, что до меня соединяли оба звания и Фриш и Бер.

21 октября состоялось мое назначение. Это было в 1892 году, в том году, который ознаменовался холерными беспорядками в различных местностях России вследствие полного отсутствия заботы о разъяснении невежественной толпе значения постигшего ее бедствия и условий борьбы с ним. Тогда погибло много самоотверженных врачей и сестер милосердия и был зверски растерзан толпою врач Молчанов во Хвалынске. В начале ноября я должен был представляться государю в Гатчине. В тоскливый, серый день представлявшиеся были привезены в неуклюжий дворец и, вследствие какого-то особого доклада у государя, вынуждены были ожидать приема часом позднее обычного, бродя по неприветливой и полутемной зале под сводами в нижнем этаже дворца. В эту залу вошел длинный, худой и гладко выбритый князь Голицын, прекрасный актер и придворный чтец, носивший странное звание "кавалера государыни императрицы".

Об этом "кавалере" у меня сохранились довольно оригинальные воспоминания. В 1873 году судебный пристав при мировом съезде препроводил мне, как прокурору окружного суда, протокол о том, что гофмейстер князь Голицын, приняв на хранение описанный у него по частному иску рояль, продал его в третьи руки, употребив деньги в свою пользу, и отказывается от всяких объяснений, ссылаясь на